

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Симагин Ю. А.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

E-mail: yas63@yandex.ru

Финансирование:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-110-50405.

Для цитирования:

Симагин Ю. А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 4-22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1.

Аннотация. Демографические проблемы являются одними из наиболее острых в современной России. Так как исследования миграций населения являются особым разделом демографии, требующим отдельного анализа, в статье акцент сделан на проблемах естественного движения населения. Им уделяется большое внимание органами власти, средствами массовой информации и общественными организациями. Демографическая наука своими методами ищет пути решения существующих проблем. При этом в научных публикациях освещение демографических проблем России имеет особый ракурс, так как специалисты, с одной стороны, профессионально разбираются в теме и видят нюансы, непонятные «со стороны». А с другой — многим учёным свойственен критический подход к любым действиям властей, имеющиеся достижения могут преуменьшаться, так как не достигают конечной цели. В частности, во-первых, смертность населения в России на протяжении почти всех лет XXI в. снижалась, но она ещё очень высока по сравнению с большинством европейских стран. Во-вторых, рождаемость в стране низкая по мировым меркам, но она выше, чем в большинстве европейских стран. В итоге оба эти факта интерпретируются по-разному — и в позитивном, и в негативном ключе. При этом все демографические прогнозы говорят о том, что в ближайшие десятилетия естественная убыль населения России продолжится. И для решения этой проблемы необходим поиск новых подходов, мер демографической политики, что невозможно без объединённых усилий отечественных учёных-демографов, несмотря на их теоретические, практические и другие разногласия. Национальный проект «Демография» и связанные с ним программы могут решить проблемы только при условии необходимой научной проработки предлагаемых мероприятий и их адаптации к реальным российским условиям.

Ключевые слова: Россия, демографические проблемы, численность населения, рождаемость, смертность, демографические прогнозы.

Корни демографических проблем современной России можно проследить в исторических особенностях развития страны на протяжении почти всего XX века. Особенно острыми они были в 1990-е гг., когда в условиях радикальной трансформации общества и вызванного этим социально-экономического кризиса, с одной стороны — резко выросла смертность, с другой — снизилась и рождаемость населения. В итоге в стране разразился беспрецедентный демографический кризис, когда в мирное время естественная убыль населения в отдельные годы достигала почти 1 млн человек, а во многих регионах страны ежегодно умирало людей в 2–2,5 раза больше, чем рождалось.

В XXI в. острота демографических проблем по обобщённым показателям вроде бы ослабла — рождаемость выросла, смертность сократилась, а в 2013–2015 гг. даже наблюдался небольшой естественный прирост населения. Но учёным-демографам, руководству страны и широким кругам общественности ясно, что демографический кризис не преодолен. Не случайно в 2006 г. в ежегодном послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации назвал демографическую проблему ключевой для всей страны¹. На основе этого послания были разработаны «Концепция демографической политики Российской Федерации»², а также конкретные меры для стимулирования рождаемости: «материнский капитал» за рождение второго ребёнка, увеличение ежемесячных пособий по уходу за ребёнком до полутора лет и другие, которые вступили в действие с 2007 года. Позднее аналогичные меры были разработаны и на региональном уровне почти во всех субъектах Российской Федерации. После 2006 г. Президент России практически каж-

дый год подчёркивал важность решения демографических проблем страны. Последнее решение в этой сфере — «Указ о национальных целях развития России до 2030 года»³. Первой из этих целей обозначена «сохранение населения, здоровье и благополучие людей», а целевыми показателями её достижения названы: «обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации» и «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет».

При этом в научной среде, как это обычно бывает, существует большой разброс мнений как о самих демографических проблемах, так и о путях их решения и конкретных мерах, которые нужно для этого использовать. Но не вызывает сомнений важность решения этих проблем для страны и большой интерес к ним — это видно хотя бы потому, что статьи на демографические темы регулярно публикуют не только демографы, но и известные учёные-представители других наук, в том числе необщественных [1; 2]. У некоторых исследователей вызывают сомнения также исходные статистические данные о населении страны, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики РФ (далее — Росстат) [3; 4]. Всё это не уменьшает значения исследований демографических проблем России — иначе просто невозможно будет их решить.

Цель работы — обзор исследований демографических проблем России в XXI веке (2001–2020 гг.), которые представлены в монографиях и статьях ведущих журналов. Демографические проблемы взяты в узком смысле, то есть без миграций, исследования которых — отдельный блок научных работ со своей спецификой. Соответственно, основные фокусы данной статьи — динамика численности населения (но в основном естественное движение), демографическая ситуация, рождаемость, смертность, демографические прогнозы, возможные новые направления демогра-

¹ Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 года 6/н // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819/page/1> (дата обращения: 15.05.2021).

² Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351) // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#friends> (дата обращения: 15.05.2021).

³ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года» от 21 июня 2020 года № 474 // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 15.05.2021).

фической политики. Диссертационные исследования не рассматривались, так как их результаты также представлены в научных статьях и монографиях.

Динамика численности населения и демографическая ситуация

Обобщённым материалом, показывающим демографическую ситуацию в стране перед началом XXI в., можно считать доклад «Население России 2000» [5], опубликованный Центром демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Это был восьмой по счёту ежегодный доклад, в котором были подробно проанализированы демографические процессы в России периода 1990-х гг. как в целом, так и по отдельным показателям, а также дан демографический прогноз до 2050 года⁴.

В XXI в. Россия вошла с численностью постоянного населения 144,8 млн человек (по данным Росстата на 1 января 2001 г.⁵). Это было меньше на 3,5 млн человек (или на 2,4%), чем в начале 1993 г., когда на территории страны была зафиксирована максимальная численность постоянного населения в 148,3 млн человек (в границах России тех лет). Сокращение было связано с естественной убылью населения страны, начавшейся в 1992 г., и особенно усилившейся в последние годы XX века. В 2000 г. в России умерло людей больше, чем родилось, на 959 тыс. человек. Значительное положительное миграционное сальдо с зарубежными странами, наблюдавшееся в 1990-е гг. (максимум в 1994 г. — 810 тыс. человек), не смогло перекрыть такой естественной убыли, что и привело к сокращению численности населения России.

Общероссийская демографическая ситуация самого начала XXI в. подробно рассматривалась в работах учёных Института

социально-экономических проблем народонаселения РАН⁶. В 2002 г. в этой организации была опубликована монография⁷, в которой главное внимание среди социально-экономических проблем (бедность, безработица и других) было уделено именно сокращению численности населения, темпы которого не уменьшились и в начале XXI в. (естественная убыль населения России в 2001 г. составила 943 тыс. человек). При этом отмечалось, что радикальные социально-экономические реформы, проводившиеся в России с начала 1990-х гг., привели к кризису и, в итоге, значительному росту смертности населения, практически во всех возрастных группах. Тогда как динамика рождаемости, прежде всего, зависит от возрастного состава населения, и в меньшей степени — от социально-экономической ситуации. Это подтверждалось и статистическими данными — с 2000 г. численность родившихся в стране начала расти, так как в активный детородный возраст (20–30 лет) стало вступать относительно многочисленное поколение женщин, родившихся в первой половине 1980-х годов.

Российская демографическая ситуация первых двух десятилетий XXI в. также рассматривалась в работах таких известных отечественных демографов, как Л.Л. Рыбаковский [7], В.И. Переведенцев [8], А.Г. Вишневский [9]. При этом отмечалось, что современная ситуация связана, во-первых, с существующими социально-экономическими условиями, и, во-вторых, с долговременными демографическими тенденциями, наблюдаемыми начиная с периода, по крайней мере, Великой Отечественной войны [10]. И если на первые методами активной демографической политики повлиять можно, то вторые корректировке почти не поддаются, так как связаны с возрастным составом населения, который может существен-

⁴ Публикация таких демографических докладов продолжалась и в последующие годы — в Институте демографии НИУ «Высшая школа экономики». Последний из опубликованных — «Население России 2018» [6].

⁵ Здесь и далее цифры по России и её регионам, если это не указано отдельно, по данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

⁶ В настоящее время — Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

⁷ Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / ред. Н.М. Римашевская. — Москва: РИЦ ИСЭПН, 2002. — 368 с.

но меняться только на больших интервалах времени [11; 12]. На этом фоне наблюдаемый в России в 2013–2015 гг. небольшой (максимум — 32 тыс. человек в 2015 г.) естественный прирост населения у демографов не вызывал большого позитива. Было ясно, что с вступлением в активный детородный возраст женщин малочисленного поколения, родившегося в 1990-е гг. (и выбытием из него родившихся в 1980-х гг.), рождаемость снизится. И сохранить естественный прирост можно только за счёт резкого сокращения смертности, что мало вероятно.

Практически все социально-экономические процессы в России имеют значительную территориальную дифференциацию. Относится это и к демографической ситуации. Поэтому многие учёные уделяют большое внимание особенностям различных территорий страны. Больше всего исследований связано с различиями между сельским и городским населением, а также с изучением межрегиональных различий на уровне субъектов РФ [13–21]. При этом в сельской местности демографическая ситуация значительно хуже, чем в городских населённых пунктах. Как правило, это связано с возрастным составом населения, что обуславливает значительно более высокие показатели смертности в сельской местности. Но в этом же направлении действуют и некоторые другие особенности села — хуже развиты система здравоохранения и транспортная инфраструктура, у сельского населения ниже уровень образования и менее распространён здоровый образ жизни. В итоге в городах даже при сравнительно низкой рождаемости демографическая ситуация лучше за счёт относительно низкой смертности населения⁸.

Ещё более значительными являются межрегиональные различия — в данном случае естественный прирост колеблется от около –10‰ (области Псковская, Тульская, Владимирская и многие дру-

гие регионы в Центральной и Северо-Западной России, где в 2020 г. умерло людей в 2–2,5 раза больше, чем родилось) до +10–15‰ (республики Чеченская, Ингушетия, Тыва). Регионы со значительной естественной убылью населения характеризуются старой возрастной структурой и относительно высокой долей сельских жителей, то есть в них ситуация похожа на общероссийскую в сельской местности. В республиках при общей относительно молодой возрастной структуре населения большая доля сельских жителей, наоборот, сказывается на естественном движении населения положительно, так как в сельской местности рождаемость традиционно выше, чем в городских населённых пунктах. В итоге в 2020 г. в 13 субъектах РФ наблюдался естественный прирост населения, тогда как в остальных 72 регионах — естественная убыль (в 2019 г. аналогичное соотношение было 17 и 68 регионов).

Совершенствование Росстатом базы своих данных и развитие методов обработки статистической информации позволяют в настоящее время проводить анализ демографических данных также на уровне муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов) [22; 23] и отдельных групп населённых пунктов (городов с разной численностью населения, посёлков городского типа — ПГТ) [24]. Результаты такого анализа показывают, что за последнее десятилетие ростом численности населения характеризуются лишь около 20% муниципалитетов России, которые занимают примерно 10% площади страны. Тогда как в остальных 4/5 муниципалитетов численность населения сокращается, причём примерно в 10% — быстрее, чем на 2% ежегодно, то есть катастрофически быстрыми темпами. Среди разных групп населённых пунктов наиболее негативной демографической ситуацией является в ПГТ, смертность в которых такая же высокая, как в сельской местности (и по тем же причинам), а рождаемость такая же низкая, как в городах, поскольку спо-

⁸ Далее в данном разделе рассматриваются в основном общие коэффициенты рождаемости и смертности, так как именно они определяют (в части естественного движения в текущее время) динамику численности населения.

собствующими рождаемости преимуществами сельской местности ПГТ обычно не располагают.

Негативная динамика численности населения в стране оценивается многими исследователями также как угроза национальной безопасности [25–28]. Особенно хорошо это видно в сравнении отрицательной динамики численности населения России и положительной — мира в целом (большинства стран мира). Усугубляет проблему низкая плотность населения в России — около 8,3 человек на 1 км², что более чем в 5 раз меньше среднемирового показателя. Во многом низкая плотность населения связана с огромной площадью страны в сочетании с суровыми природными условиями на большей части территории России. Тем не менее, на общемировом фоне страна выглядит как слабо освоенное пространство с сокращающимся населением, которое не способно использовать имеющиеся значительные природные ресурсы. Тогда как во многих странах мира население быстро растёт, имеющихся ресурсов не хватает уже в настоящее время, и в перспективе, при сохранении существующих тенденций, такие страны (или группы стран) могут угрожать территориальной целостности России или требовать перераспределения ресурсов страны (на льготной/бесплатной основе) в пользу нуждающихся.

Довольно часто подобные высказывания можно видеть в СМИ США и некоторых европейских стран накануне международных саммитов с целью принизить роль России в мировом сообществе [29]. Хотя и зарубежные учёные [30; 31] подчёркивали аномальность высокого уровня смертности, который в 1990-е гг. сформировался в нашей стране. Тогда как российская динамика рождаемости укладывается в общемировые тенденции, и её современный уровень мог бы быть не 1,6–1,8 (суммарный коэффициент рождаемости), а заметно ниже — на уровне большинства стран Европы, где он составляет 1,3–1,5 [32]. Основное количество зарубежных работ рассматривает Россию и демографи-

ческую ситуацию в ней вместе с другими странами Восточной Европы и бывшего СССР, например, [33]. В этом случае видно, что в России ситуация примерно такая же, как и в некоторых соседних государствах. Конечно, это не может успокаивать российское общество, поскольку Восточная Европа в настоящее время — наиболее кризисный в демографическом отношении регион мира.

В конце 2019 г. в Китае началась эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19, которая в 2020 г. охватила весь мир, приняв характер пандемии. Естественно, что эта пандемия негативно сказалась на демографических процессах, вызвав рост смертности населения. К концу 2020 г. от COVID-19 в мире умерло около 1,9 млн человек, в том числе в России — 162,2 тыс. человек⁹. В связи с этим с середины 2020 г. начали появляться научные статьи, посвящённые анализу распространения COVID-19, влиянию пандемии на демографические процессы и другим связанным с COVID-19 аспектам, например [34]. Понятно, что избыточная смертность, связанная с COVID-19 как напрямую, так и косвенно (за счёт сокращения медицинской помощи больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями, злокачественными новообразованиями и другими смертельно опасными болезнями, так как система здравоохранения имеет ограниченные мощности) привела к существенному росту естественной убыли населения в России в 2020 году. По сравнению с 2019 г. количество умерших в стране увеличилось на 18,9% (до 2139 тыс. человек), а естественная убыль выросла в 2,2 раза (до 702 тыс. человек). Общие коэффициенты составили: рождаемость — 9,8‰, смертность — 14,6‰, естественный прирост — -4,8‰.

При этом во многих странах мира ситуация ещё хуже. Так в 2020 г. численность населения ЕС сократилась на 312 тыс. человек (0,1%) впервые за все время наблюдений с 1961 года. Это произошло, так как

⁹ Данные сайта «Стопкоронавирус.рф». — URL: <https://стопкоронавирус.рф/> (дата обращения: 05.01.2021).

естественная убыль в 2020 г. увеличилась по сравнению с 2019 г. в 2,4 раза, а положительное сальдо миграций компенсировало естественную убыль лишь на 73% (начиная с 2012 г. численность населения ЕС увеличивалась только за счёт миграций, которые перекрывали естественную убыль). В 2020 г. общий коэффициент рождаемости составил в ЕС 9,1‰, а смертности — 11,6‰. Естественно, что резкий рост смертности (на 11,5% в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом) и сокращение населения ЕС связывается с пандемией COVID-19 — многие европейские страны (Италия, Испания и другие) входят в число мировых лидеров по распространённости COVID-19 и смертности от этой болезни как в абсолютном, так и в относительном выражении [35]. Основной научный анализ влияния COVID-19 на демографическую ситуацию начался в 2021 г. и не входит в задачи данной статьи.

Проблемы низкой рождаемости и высокой смертности

Чаще всего для характеристики уровня рождаемости в демографии используется суммарный коэффициент рождаемости (СКР), который упрощённо можно представить как среднее количество детей, которое родится у средней женщины в течение жизни, при сохранении по возрастной рождаемости на уровне года вычисления показателя. Для того, чтобы воспроизводство населения было простым (каждое следующее поколение было бы по численности не меньше, чем предыдущее), СКР должен иметь значение около 2,1. На территории современной России СКР уже в конце 1960-х гг. опустился ниже значения 2,1. То есть уже тогда можно было предполагать, что через 25 лет (длина условного поколения) в стране появится естественная убыль населения. Примерно так и произошло в начале 1990-х гг., но непредсказуемо большой оказалась величина естественной убыли, так как закономерные тенденции усилились последствиями кризиса, связанного

с радикальными социально-экономическими изменениями в стране, очередной «демографической волной» Великой Отечественной войны и другими факторами [36]. Наименьшее значение в России СКР имел в 1999 г. — 1,17, что было одним из минимальных показателей в мире вместе с Латвией и Чехией [5]. Но с 2000 г. наметился рост реальной рождаемости, выражаемой показателем СКР, ускорившийся после 2007 года. Косвенно это можно считать положительным результатом новых мер демографической политики по стимулированию рождаемости (прежде всего «материнского капитала»), реализуемых с 2007 года [37]. Но с уровня 1,777 в 2015 г. СКР начал снижаться до значения 1,489 в 2020 г., что может говорить о действии различных факторов.

Во-первых, СКР действительно реагирует на меры демографической политики, особенно материального стимулирования рождаемости. Но это реагирование часто носит краткосрочный характер, так как увеличивается не действительное количество детей у женщины (в семье), а происходит перенос на более ранние годы времени рождения детей, которые и так бы родились, но позднее. Аналогичная ситуация наблюдалась в середине 1980-х гг., когда фиксировался резкий рост рождаемости, но именно он явился одной из причин резкого спада в 1990-е гг. [38]. Во-вторых, в 2014 г. в основном по внешним причинам (экономические санкции со стороны разных стран, падение мировых цен на нефть) в России начался новый экономический кризис, напрямую затронувший жизнедеятельность населения, и который фактически не закончился до настоящего времени. Это видно, в частности, по показателю величины реальных доходов населения, которые снижаются по данным Росстата весь период 2014–2020 годов. Естественно, что некоторые семьи (женщины) реагируют на ухудшение своего экономического положения, откладывая рождение детей до «лучших времён».

В итоге оказывается, что после 2015 г. в России осталось очень мало женщин, ко-

торые могли бы родить второго или третьего ребёнка, независимо от того, действуют какие-либо стимулирующие рождаемость меры демографической политики или нет [39], так как значительная часть из них уже родила желаемое количество детей в 2007–2014 гг., а другая часть вынуждена отложить деторождения на будущее из-за экономической ситуации в стране и семье. Сокращается и численность женщин, рожающих первенца, так как в активный детородный возраст вступает малочисленное поколение 1990-х гг. рождения. То есть привести к увеличению рождаемости могут только какие-то радикальные новые меры демографической политики и/или существенное улучшение экономической ситуации в стране. Частично улучшить ситуацию могло бы изменение репродуктивного поведения населения: дальнейшее снижение количества аборт, расширение практик применения вспомогательных репродуктивных технологий (экстракорпорального оплодотворения и других) [40]. Но необходимое хотя бы для простого воспроизводства населения значение СКР в 2,1 в любом случае вряд ли достижимо в обозримой перспективе.

Следует отметить, что и имеющийся в России уровень рождаемости в определённой мере обеспечивается за счёт женщин-мигранток, в основном из стран СНГ, которые находятся в России в качестве временных работников (гастарбайтеров). В целом по стране в 2010 г. доля детей, рождённых иностранками (больше всего — из Азербайджана, Таджикистана и Киргизии), составила около 1% от числа рождений в России. Но в крупных городах, где концентрируются гастарбайтеры, эта доля заметно выше [41].

Смертность населения характеризуется таким показателем, как средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). Особенностью России является очень значительная разница ОПЖ между мужчинами и женщинами — одна из самых больших в мире. До 2003 г. ОПЖ находилась на низком уровне, сформировавшемся

в 1990-е гг. в условиях острого социально-экономического кризиса в стране, и составляла около 59 лет для мужчин и 72 лет для женщин. Затем началось увеличение ОПЖ — до 2011 г. сравнительно быстрыми темпами хотя и нестабильно год от года, а с 2012 г. — сравнительно небольшими темпами, но стабильно [42]. В итоге в 2019 г. ОПЖ для мужчин составила 68,56 года, а для женщин — 78,41 года, причём в городских населённых пунктах примерно на 1 год больше, чем в сельской местности. Среди регионов первое место в последние годы стабильно занимает Республика Ингушетия (в 2019 г. — около 80 лет для мужчин и 86 лет для женщин), а последнее — Чукотский АО, в котором особенно тяжёлая ситуация наблюдается среди сельских жителей: ОПЖ в 2019 г. для мужчин составила 52,1 года, для женщин — 64,6 года. В 2020 г. на фоне распространения пандемии COVID-19 смертность населения выросла, и ОПЖ в стране сократилась примерно на 2 года, вернувшись к показателям 2015–2016 годов. При этом большую часть прироста смертности вызвал не сам COVID-19, а другие заболевания (в основном болезни системы кровообращения (БСК) и злокачественные новообразования), лечению которых из-за пандемии система здравоохранения была вынуждена уделять меньше внимания, чем раньше [34].

Именно БСК (сердечно-сосудистые, ишемическая болезнь сердца и другие) являются в России (как и в большинстве стран мира) главной причиной смертности населения. И прогресс в лечении этих заболеваний дал основной вклад в снижение смертности в XXI веке. Так, в 2000 г. смертность от БСК составляла 840 человек на 100 тыс. населения, а к 2019 г. она снизилась до 577 человек на 100 тыс. населения (на 31,3%). На второе место среди причин смертности в XXI в. вышли злокачественные новообразования, и прогресса в борьбе с ними пока нет [39].

Особенностью России, отличавшей её от развитых стран в 1990-е и первые годы XXI в. было то, что второе место среди причин смертности населения занима-

ли внешние причины — гибель от дорожно-транспортных происшествий, отравления алкоголем, убийства, самоубийства и другие. Снижение смертности от этих причин способствовало сокращению разрыва в ОПЖ между мужчинами и женщинами за период 2001–2019 гг. с 13 до 10 лет [43]. Но достижение уровня развитых стран ещё далеко. Так, число погибших от дорожно-транспортных происшествий на 100 тыс. населения снизилось с 24,6 человек в 2003 г. до 11,3 человек в 2019 г., то есть в 2 раза. Но это все ещё в 2 раза больше, чем в таких странах, как Австралия или Канада, в 3 раза больше, чем в Японии и Германии. И это при том, что уровень автомобилизации населения и относительный объём грузовых перевозок автотранспортом в России значительно ниже, чем в перечисленных странах, то есть потенциальная вероятность дорожно-транспортных происшествий меньше [39]. Распространению БСК, злокачественных новообразований и других смертельно опасных заболеваний, а также смертности от них в России способствуют алкоголизм, наркомания, табакокурение. В первые годы XXI в. от болезней, связанных с употреблением алкоголя (в том числе некачественного) ежегодно умирало до 500 тыс. человек, от болезней, связанных с курением — до 400 тыс., с употреблением наркотиков — до 100 тыс. человек [44]. В последние 10 лет распространение вредных привычек снизилось, но остаётся на чрезмерно высоком уровне, влияющем на ОПЖ, особенно у мужчин.

Ещё одна проблема, заметно влияющая на смертность населения — распространение в России вируса иммунодефицита человека (ВИЧ). На конец 2020 г. более 1,1 млн человек в России живут с ВИЧ. С 2018 г. число регистрируемых новых случаев ВИЧ снижается, но все ещё остаётся достаточно высоким — в 2020 г. 40,77 человек на 100 тыс. населения. Ведущей причиной смертей среди людей с ВИЧ является туберкулёз, средний возраст умерших составляет 39 лет¹⁰. Распростране-

ние злокачественных новообразований, болезней органов дыхания и некоторых других смертельно опасных заболеваний часто связано с состоянием окружающей среды, особенно загрязнением атмосферного воздуха. В России 60–65% городских жителей (45–50% всего населения страны) проживает в населённых пунктах, в которых в атмосферном воздухе постоянно превышаются предельно допустимые (то есть ещё не влияющие на состояние здоровья) концентрации различных загрязняющих веществ. Особенно загрязнённой является атмосфера городов с металлургическими комбинатами, угольными электростанциями, а также крупнейших городов с большой концентрацией автомобилей [44].

В целом ОПЖ населения в России, несмотря на определённые успехи последних 20 лет, остаётся на низком уровне, отставая не только от многих европейских стран на 10–15 лет, но лишь не на много превысив среднемировой показатель в 72,6 года (в общем для мужчин и женщин) в 2019 году. Динамика уровня смертности на ближайшие годы в условиях пандемии COVID-19 остаётся неопределённой как в России, так и по миру в целом.

Демографические прогнозы и демографическая политика

Главной целью демографических прогнозов является определение численности населения той или иной территории в будущем. В современных прогнозах разрабатывается как минимум три варианта: низкий (пессимистический), средний (наиболее вероятный) и высокий (оптимистический) на периоды краткосрочный (до 10 лет вперёд), среднесрочный (10–30 лет) и долгосрочный (более 30 лет). Часто разрабатываются сценарные (с различными вариантами изменения внешних условий) прогнозы, и для каждого из сценариев также рассчитываются разные варианты прогноза. В итоге количество

¹⁰ Голикова назвала число россиян с ВИЧ // РИА «Новости»:

[сайт]. – URL: <https://ria.ru/20210201/vich-1595529689.html> (дата обращения: 15.03.2021).

вариантов демографического прогноза с учётом различных сценариев может быть практически неограниченным [45].

Важность демографических прогнозов несомненна. Они имеют не только научное теоретическое значение, представляя собой отдельное исследование, но и являются ориентиром для разработки программ социально-экономического развития. При этом долгосрочные прогнозы кажутся более интересными, так как позволяют сформировать стратегию социально-экономического развития на далёкую перспективу. Но в них велика вероятность ошибки (цена которой в финансовом или материальном выражении может быть очень велика), так как в таких прогнозах используются не только имеющиеся фактические данные, но и гипотезы изменения вероятности тех или иных демографических событий, которые в реальности могут и не подтвердиться [46]. В итоге долгосрочные прогнозы приходится перманентно корректировать — не реже, чем раз в 5 лет (а фактически и среднесрочные тоже — каждые 1–2 года).

Как независимые составляющие в демографических прогнозах используются 3 отдельных процесса — рождаемость, смертность, миграции. При этом миграции являются наиболее неопределённой составляющей, так как направления перемещений людей по тем или иным причинам могут радикально меняться за короткие промежутки времени. В итоге часто миграционная составляющая берётся как экстраполяция трендов, наблюдавшихся за 5–10 лет до года составления прогноза. Базой для прогнозирования рождаемости и смертности является фактическая половозрастная структура населения, для которой известны имеющиеся на год разработки прогноза показатели рождаемости (СКР) и смертности (ОПЖ). Далее методом «передвижки возрастов» определяется численность и возрастная структура населения на каждый прогнозируемый год [47]. В итоге на период смены поколений (20–30 лет) естественное движение населения спрогнозировать можно довольно

точно (без учёта чрезвычайных событий — войн, экологических катастроф и тому подобного).

В России официальный демографический прогноз на 15 лет вперёд разрабатывает Росстат. В частности, в 2000 г. в Росстате был представлен прогноз численности населения страны до 2016 года¹¹. Он опирался на фактические данные о рождаемости, смертности и миграциях предыдущих лет (вторая половина 1990-х гг.). В итоге численность населения оказалась заниженной: на начало 2016 г. по низкому варианту она должна была составлять 125,7 млн человек, по среднему — 134,4 млн, по высокому — 142,8 млн человек. Фактически на начало 2016 г. в России (в границах 2000 г.) проживало 144,2 млн человек, то есть больше на 1,4 млн (на 1%), чем по высокому варианту, который предполагал наиболее благоприятное развитие событий. Причём ошибка произошла не из-за неправильной оценки миграций, как это бывает чаще всего, а из-за заниженных прогнозов рождаемости и завышенных — смертности населения. Росстат корректирует свои прогнозы каждые 1–2 года, и в расчётах последующих лет ошибки в определении численности населения на 2016 г. не было.

В настоящее время актуальным является прогноз до 2036 года¹². В нём по низкому варианту численность населения страны на начало 2036 г. предполагается в 134,3 млн человек, по среднему — 144,0 млн, по высокому варианту — 150,1 млн человек (численность населения России на начало 2021 г. — 146,2 млн человек). На весь период 2021–2035 гг. во всех вариантах прогнозируется отрицательный естественный прирост при низкой рождаемости (СКР от 1,280 до 1,738 в разные годы по разным вариантам прогноза) и постепенном сокращении смертности (рост ОПЖ в среднем варианте до 79,1 года для мужчин и женщин).

¹¹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2016 года. Статистический бюллетень. — Москва: Госкомстат России по статистике, 2000. — 149 с.

¹² Официальный сайт Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 15.05.2021).

Крупные международные организации разрабатывают демографические прогнозы для всего мира в целом с распределением по отдельным регионам мира и странам. Естественно, в этих прогнозах присутствует и Россия. Наиболее известными и авторитетными являются прогнозы, разрабатываемые Организацией Объединённых Наций (ООН). Анализ этих прогнозов представлен в работе Е. Л. Сороко [48]. Существенно, что в последние годы в ООН разрабатывают только долгосрочные демографические прогнозы на конкретные даты — на 2025, 2050 и 2100 годы. Основным методом для составления прогнозов ООН является математическое моделирование. Это логично при таком большом горизонте прогнозирования, но результат существенно зависит от тех гипотез (то есть фактически — теорий демографического развития), которые заложены в основе применяемых моделей. И если для мира в целом и большинства современных стран (в прогнозе 2017 г. их 241 — это не только независимые государства, но и отдельные обособленные территории типа заморских департаментов Франции) эти модели/гипотезы/теории являются релевантными, то для некоторых стран это может быть не совсем так, по крайней мере на текущем этапе их социально-экономического развития.

Одним из примеров последнего является Россия. В Прогнозах ООН, разрабатывавшихся в 1970-е и 1980-е гг., численность населения России (СССР) постоянно оказывалась завышенной по сравнению с реальными цифрами. Особенно ярко это проявилось в 1990-е гг., когда спрогнозированная численность населения России оказалась больше фактической почти на 10 млн человек. Причина понятна — ни в какие модели не укладывались демографические последствия социально-экономического кризиса 1990-х гг. в стране. Но в 1990-е и 2000-е гг. ситуация оказалась обратной — прогнозы ООН давали численность населения России ниже, чем она оказывалась фактически. В данном

случае эксперты ООН не учли позитивной динамики демографических процессов в России в начале XXI века. В последние годы прогнозы для России были значительно пересмотрены. Так, в прогнозе ООН 2017 г. численность населения России в 2050 г. по среднему варианту оценивается в 132,7 млн человек. Но ещё в прогнозе 2006 г. эта оценка составляла всего 107,8 млн человек. То есть за 11 лет эксперты ООН «прибавили» России почти 25 млн человек. По высокому варианту прогноза ООН 2017 г. численность населения России в 2050 г. должна составить 147,4 млн человек¹³ (все эти оценки — для РФ в границах на начало 2014 года).

Российские учёные также составляют долгосрочные демографические прогнозы, в том числе на 2050 г. [46]. В данном случае использован традиционный метод «передвижки возрастов» по отдельным компонентам (рождаемость, смертность, миграции), всего разработано 5 вариантов (пессимистический, низкий, наиболее вероятный, высокий и оптимистический), а наибольшие сомнения вызывала миграционная составляющая, поэтому для неё было разработано только 3 варианта прогноза (низкий, наиболее вероятный и высокий). В итоге численность населения России в 2050 г. предполагается в диапазоне от 121,1 млн до 162,4 млн человек при наиболее вероятной — 141,8 млн человек. При этом наиболее вероятные ОПЖ в 2050 г. составит 77,4 года (мужчины — 73,3, женщины — 81,6), а СКР — 1,76. То есть этот отечественный прогноз даёт более оптимистическую оценку, чем ООН (даже после пересмотра данных по России в лучшую сторону) — на 9,1 млн человек больше.

При этом нельзя не обратить внимание, что во всех вариантах демографических прогнозов, сделанных для России на ближайшие десятилетия, естественный прирост населения остаётся отрицательным, а воспроизводство населения — суженным

¹³ Официальный сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. — URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 15.05.2021).

(СКР меньше 2,1). А увеличение численности населения страны если и предполагается, то за счёт положительного сальдо внешних миграций. Это говорит о необходимости дальнейшей интенсификации демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости (но и о важности снижения смертности и увеличения продолжительности жизни, естественно, забывать нельзя).

В настоящее время основные акценты в такой прокреационной политике делаются на материнское стимулирование женщин (семей) к рождению детей и помощь семьям с детьми. В частности, с 2020 г. «материнский» капитал выделяется при рождении уже первого ребёнка, а не второго (как было в 2007–2019 гг.). В 2020–2021 гг. также были произведены единовременные выплаты семьям с детьми. Примечательно, что все эти и подобные меры предлагались учёными ещё в самом начале XXI в. [49]—уже тогда шла речь о выплатах семьям с детьми-школьниками перед началом учебного года и других мерах. Но в настоящее время действенность этих финансовых мер недостаточна. Одновременно, их реализация всё более обременительна для государства, которое в итоге начинает «экономить» на других статьях социальных расходов.

По мнению некоторых исследователей, для увеличения рождаемости существующие меры демографической политики необходимо дополнить отдельной программой по стимулированию брачности—создания официально зарегистрированных супружеских союзов [50]. Это обосновывается тем, что несмотря на распространение различных форм отношений, заменяющих официальный брак (сожительство, «гостевой брак» и другие), и заметную долю детей, рождающихся вне официального брака, именно заключение официальных супружеских союзов имеет прямую корреляцию с рождением детей, особенно первенцев. А все действующие меры поддержки рождаемости направлены на уже существующие семьи, причём многие из них на те, в которых уже есть хотя

бы один ребёнок. Но если нет первоначальной основы—семьи, то и такие меры поддержки становятся неактуальными. В частности, по аналогии с существующим «материнским капиталом» предлагается выделять парам, заключающим официальный брак, «брачный капитал», который можно было бы использовать на определённые цели (в том числе обеспечение новой семьи жильём).

В качестве особого подхода, который мог бы стимулировать рост рождаемости, интересно также исследование А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты [51]. Анализируя влияние неравенства в доходах населения на различные социально-экономические аспекты методами математического моделирования, они пришли к выводу, что снижение неравенства в доходах (путём перераспределения через прогрессивную шкалу налогообложения) оказывает влияние и на демографические показатели. В частности, наилучшие показатели естественного прироста населения (повышение рождаемости и снижение смертности) могут наблюдаться при значениях дифференциации доходов по децильному коэффициенту фондов от 8 до 11 (в настоящее время в России—около 16). То есть фактором, способствующим решению демографических проблем, может стать снижение социального неравенства в стране.

* * *

Анализ исследований демографических проблем России в XXI веке позволяет сделать следующие основные выводы. Во-первых, демографический кризис 1990-х гг. не закончился. Частично он был связан с демографическими закономерностями, характерными для большинства стран мира. Но основной вклад в его формирование внесли особенности исторического развития России в XX веке. Многие факторы, характерные для 1990-х гг. продолжают действовать и в настоящее время.

Во-вторых, в первые два десятилетия XXI в. демографическая ситуация в стране улучшалась (рождаемость увеличилась,

смертность снизилась). Но это улучшение во многом имеет относительный характер — лучше, чем в 1990-е гг., лучше (по некоторым показателям), чем во многих европейских странах. Перелома не произошло. Демографическая политика государства внесла определённый вклад в улучшение ситуации. Проблемы не решены, но без проводившейся политики ситуация была бы ещё хуже.

В-третьих, все прогнозы говорят о том, что демографическая ситуация в России останется кризисной на протяжении, по

крайней мере, нескольких десятилетий. Но это значит, что необходима разработка новых мер демографической политики, которые должны способствовать решению существующих проблем. Разработка новых эффективных мер демографической политики возможна при согласованной работе всех российских учёных-демографов. Даже ошибочные, на первый взгляд, идеи, могут принести положительный результат, что и нужно, в конечном итоге, российскому обществу.

Литература и Интернет-Источники

1. **Аганбегян, А. Г.** Сбережение населения России под вопросом / А. Г. Аганбегян // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 4–13.
2. **Капица, С. П.** Демографическая революция и Россия / С. П. Капица // Демоскоп Weekly: [сайт]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0757/nauka03.php> (дата обращения: 15.05.2020).
3. **Вишневский, А. Г.** Чего знает и чего не знает российская демографическая статистика / А. Г. Вишневский, С. В. Захаров // Вопросы статистики. — 2010. — № 2. — С. 7–17.
4. **Мкртчян, Н.** Перепись населения на юге России: откуда взялся лишний миллион населения? / Н. Мкртчян // Демоскоп Weekly: [сайт] — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php> (дата обращения: 15.05.2020).
5. Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневского. — Москва : Университет, 2001. — 176 с.
6. Население России 2018. Двадцать шестой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 352 с.
7. **Рыбаковский, Л. Л.** Демографическое развитие России и его доминанты в первой четверти XXI века / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2011. — № 3(53). — С. 4–10.
8. **Переведенцев, В. И.** Демографические перспективы России / В. И. Переведенцев // Социологические исследования. — 2007. — № 12. — С. 58–69.
9. **Вишневский, А. Г.** Россия: демографические вызовы ближайших десятилетий / А. Г. Вишневский // Вестник академии наук Республики Башкортостан. — 2013. — Т. 18. — № 1. — С. 35–41.
10. **Рыбаковский, О. Л.** Эффективность политики России в области рождаемости / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика (выпуск 1). — Москва : Экон-информ, 2013. — 146 с. — С. 92–101.
11. **Архангельский, В. Н.** Демографическая политика: особенности формирования и реализации / В. Н. Архангельский, В. Г. Джанаева, В. В. Елизаров // Народонаселение современной России: риски и возможности / отв. ред. В. В. Локосов. — Москва : Экономическое образование, 2013. — 278 с. — С. 67–76.
12. **Кузин, С. И.** Проблемы демографической ситуации в России / С. И. Кузин // Экономика, статистика и информатика. — 2013. — № 6. — С. 167–169.
13. **Доброхлеб, В. Г.** Старение населения России: региональный аспект / В. Г. Доброхлеб // Вопросы территориального развития. — 2018. — № 4(44). — С. 1–8.
14. **Дронов, В. Н.** Демографические проблемы Рязанской области / В. Н. Дронов, О. Н. Махрова // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 34–45.

15. **Зубаревич, Н. В.** Мифы и реалии пространственного неравенства / Н. В. Зубаревич // *Общественные науки и современность*. — 2009. — № 1. — С. 38–53.
16. **Карачурина, Л. Б.** Региональные особенности российской демографической ситуации / Л. Б. Карачурина // *Отечественные записки*. — 2006. — № 5(32). — С. 168–178.
17. **Локосов, В. В.** Макрорегионы России: характеристика человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // *Народонаселение*. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 37–51.
18. **Пациорковский, В. В.** Сельско-городская Россия / В. В. Пациорковский. — Москва : ИСЭПН РАН, 2010. — 390 с.
19. **Римашевская, Н. М.** Человеческий и трудовой потенциал российских регионов / Н. М. Римашевская, Л. А., Мигранова, М. С. Токсанбаева // *Народонаселение*. — 2014. — № 3(65). — С. 106–119.
20. **Симагин, Ю. А.** Роль демографического потенциала в экономическом развитии регионов России / Ю. А. Симагин // *Экономика. Налоги. Право*. — 2013. — № 6. — С. 43–48.
21. **Шабунова, А. А.** Вологодская область: перспективы демографического развития территории / А. А. Шабунова, А. О. Богатырёв // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2011. — № 3(11). — С. 51–60.
22. *Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. В. В. Локосова*. — Москва: Экон-Информ, 2015. — 411 с.
23. **Пациорковский, В. В.** Муниципальные образования России со стабильной численностью населения / В. В. Пациорковский, Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // *Народонаселение*. — 2019. — № 3. — С. 47–65.
24. **Симагин, Ю. А.** Посёлки городского типа России: трансформация сети и особенности населения / Ю. А. Симагин. — Москва : ИСЭПН РАН, 2009. — 224 с.
25. **Глушкова, В. Г.** Демографическая безопасность России и её регионов: проблемы и пути решения / В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева // *Вестник Финансового университета*. — 2014. — № 3. — С. 14–25.
26. **Калмыков, Н. Н.** О демографической ситуации в России: анализ, проблемы и перспективы развития / Н. Н. Калмыков, Н. Н. Логинова, Н. В. Харчикова // *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. — 2018. — № 3. — С. 3–13.
27. **Киселёва, А. М.** Демографическая безопасность северных регионов: проблемы депопуляции и миграции населения / А. М. Киселёва, О. В. Гокова // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. — 2016. — № 4. — С. 181–190.
28. **Фёдоров, Г. М.** Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах западного побережья России / Г. М. Фёдоров // *Балтийский регион*. — 2018. — Т. 10. — № 3. — С. 119–135.
29. **Усачёва, В. В.** Демографический кризис в России: образ в иностранных СМИ / В. В. Усачёва // *Демоскоп Weekly: [сайт]*. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0287/analit06.php> (дата обращения: 15.05.2021).
30. **Eberstadt, N.** Russia's Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications / N. Eberstadt. — Washington: The National Bureau of Asian Research, 2010. — 340 p.
31. *The Mortality Crisis in Transitional Economies / eds. by G. A. Cornia, R. Panicià*. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 480 p.
32. **Scherbov, S.** Period Fertility in Russia since 1930: an application of the Coale-Trussell fertility model / S. Scherbov, van H. Vianen // *Demographic Research*. — 2002. — Vol. 6. — P. 455–470.
33. *The socio-economic transformation of rural areas in Russia and Moldova / eds. by W. Heller, C. Felgentreff, W. Lindner*. — Potsdam : University of Potsdam, 2003. — 163 p.
34. **Черкашин, А. К.** Национальные особенности изменения опасности развития пандемии коронавируса COVID-19: математическое моделирование и статистический анализ / А. К. Черкашин // *Народонаселение*. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 83–95.

35. **Щербакова, Е.** Основные демографические итоги 2020 г. в Европейском Союзе / Е. Щербакова // Демоскоп Weekly: [сайт].— URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0909/index.php> (дата обращения: 25.08.2021).
36. **Елизаров, В. В.** Теория и практика демографической политики в СССР / В. В. Елизаров // Статистика и экономика.— 2017.— № 5.— С. 71–84.
37. **Ткаченко, А. А.** Демографическое возрождение или desertio visus? / А. А. Ткаченко // Власть.— 2018.— № 1.— С. 47–58.
38. **Захаров, С. В.** Целевые индикаторы демографической политики: правилен ли наш выбор? / С. В. Захаров // Журнал Новой экономической ассоциации.— 2011.— № 9.— С. 176–180.
39. **Рыбаковский, О. Л.** Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение.— 2020.— Т. 23.— № 1.— С. 53–66.
40. **Русанова, Н. Е.** Репродуктивное поведение населения / Н. Е. Русанова // Народонаселение современной России: риски и возможности / отв. ред. В. В. Локосов.— Москва : Экономическое образование, 2013.— 278с.— С. 90–96.
41. **Рязанцев, С. В.** Вклад трудовых мигрантов в рождаемость в России / С. В. Рязанцев // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика (выпуск 1). Москва : Экон-информ, 2013.— 146 с.— С. 111–127.
42. Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности / ред. В. В. Локосов и Л. Л. Рыбаковский.— Москва: Экон-информ, 2017.— 76 с.
43. **Локосов, В. В.** Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски / В. В. Локосов // Вестник РАН.— 2020.— Т. 90.— № 3.— С. 251–258.
44. **Глушкова, В. Г.** Проблемы сохранения демографического потенциала России / В. Г. Глушкова, Ю. А. Симагин // География в школе.— 2012.— № 10.— С. 22–27.
45. **Блинова, Т. В.** Сценарный прогноз численности сельского населения России на среднесрочную перспективу / Т. В. Блинова, С. Г. Былина // Экономика региона.— 2014.— № 4.— С. 298–308.
46. **Архангельский, В. Н.** Перспективы демографического развития России до середины века / В. Н. Архангельский, И. А. Данилова, Р. В. Дмитриев, Р. Р. Хасанова // Народонаселение.— 2017.— Т. 20.— № 3.— С. 24–36.
47. **Лихачёва, Т. Н.** Демографический прогноз численности сельского населения Северо-Западного федерального округа / Т. Н. Лихачёва, А. В. Короленка, К. Н. Калашников // Проблемы развития территорий.— 2016.— № 6(86).— С. 112–131.
48. **Сороко, Е. Л.** О пределах применимости демографических прогнозов ООН / Е. Л. Сороко // Демографическое обозрение.— 2018.— № 2(5).— С. 6–31.
49. **Елизаров, В. В.** Семейная политика и экономическая поддержка семьи в современной России / В. В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России.— 2002.— № 6.— С. 13–16.
50. **Синельников, А. Б.** Влияние семейной и демографической политики на брачность и рождаемость / А. Б. Синельников // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика (выпуск 1).— Москва : Экон-информ, 2013.— 146 с.— С. 128–135.
51. **Шевяков, А. Ю.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута.— Москва : М–Студио, 2009.— 188 с.

Сведения об авторе:

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ Author ID: 76033.

DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1

RESULTS OF THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN RUSSIA IN THE 21ST CENTURY

Yury A. Simagin

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: yas63@yandex.ru

Funding:

The reported study was funded by RFBR, project number 20–110–50405.

For citation:

Simagin Yu. A. Results of the study of demographic problems in Russia in the 21st century. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1. (in Russ.)

Abstract. *Demographic problems are among the most acute in modern Russia. This is evidenced by the great attention paid to them by the authorities, the media, and public organizations. Demographic science uses its own methods to find the ways to solve the existing problems. And in Russia the coverage of demographic problems in scientific publications has a special perspective, since on the one hand, specialists are professionally versed in the topic and see nuances incomprehensible “from the outside”. On the other hand, many researchers in the field of social sciences are characterized by a critical approach to any actions of the authorities, and the existing achievements may be downplayed, as they do not reach the final goal. In particular, firstly, the mortality rate in Russia has been decreasing for almost all the years of the 21st century, but it is still very high as compared to most European countries. Secondly, the birth rate in the country is low by world standards, but it is higher than in most European countries. As a result, these facts are interpreted in different ways — both in a positive and in a negative way. At the same time, all demographic projections indicate that in the coming decades the natural decline of the Russian population will continue. And to solve this problem, it is necessary to search for new approaches, measures of demographic policy that is impossible without combined efforts of all domestic demographers, despite theoretical, practical and other differences. The national project “Demography” and related programs (“Health Care” and others) can solve problems only subject to necessary scientific development of the proposed measures and their adaptation to the real Russian conditions.*

Keywords: *Russia, demographic problems, population size, birth rate, mortality, demographic forecasts.*

References and Internet sources

1. Aganbegyan A.G. Sberezhniye naseleniya Rossii pod voprosom [Saving of the Russian is questionable]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 4–13. (in Russ.)
2. Kapitsa S.P. Demograficheskaya revolyutsiya i Rossiya [Demographic revolution and Russia]. *Demoscope Weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0757/nauka03.php> (Accessed: 15 May 2020). (in Russ.)
3. Vishnevsky A G., Zakharov S V. Chego znayet i chego ne znayet rossiyskaya demograficheskaya statistika [What does Russian demographic statistics know and what does not know]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2010. No. 2. P. 7–17. (in Russ.)

4. Mkrtchyan N. Perepis' naseleniya na yuge Rossii: otкуда vzyalsya lishniy million naseleniya? [Population census in the South of Russia: where did the extra million people come from?] *Demoscope Weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php> (Accessed: 15 May 2020). (in Russ.)
5. Naseleniye Rossii 2000 [*Population of Russia 2000*]. The eighth annual demographic report. Ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow. Universitet [University]. 2001. 176 p. (in Russ.)
6. Naseleniye Rossii 2018 [*Population of Russia 2018*]. The twenty-sixth annual demographic report. Ed. by S. V. Zakharov. Moscow. Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [Publishing house of the Higher School of Economics]. 2020. 352 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky L. L. Demograficheskoye razvitiye Rossii i yego dominanty v pervoy chetverti 21 veka [Demographic development of Russia and its dominants in the first quarter of the 21st century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2011. No. 3(53). P. 4–10. (in Russ.)
8. Perevedentsev V. I. Demograficheskiye perspektivy Rossii [Demographic prospects of Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies (Socis)]*. 2007. No. 12. P. 58–69. (in Russ.)
9. Vishnevsky A. G. Rossiya: demograficheskiye vyzovy blizhayshikh desyatiletiiy [Russia: demographic challenges of the next decades]. *Vestnik akademii nauk Respubliki Bashkortostan [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]*. 2013. Vol. 18. No. 1. P. 35–41. (in Russ.)
10. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Effektivnost' politiki Rossii v oblasti rozhdayemosti [Effectiveness of Russia's policy in the field of fertility. *The Strategy of Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy* (Issue 1)]. Moscow. Ekon-Inform. 2013. P. 92–101. (in Russ.)
11. Arkhangelsky V. N., Dzhanaeva V. G., Elizarov V. V. Demograficheskaya politika: osobennosti formirovaniya i realizatsii [Demographic policy: features of formation and implementation]. *Narodonaseleniye sovremennoy Rossii: riski i vozmozhnosti [Population of Modern Russia: Risks and Opportunities]*. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2013. P. 67–76. (in Russ.)
12. Kuzin S. I. Problemy demograficheskoy situatsii v Rossii [Problems of the demographic situation in Russia]. *Ekonomika, statistika i informatika [Economics, Statistics and Computer Science]*. 2013. No. 6. P. 167–169. (in Russ.)
13. Dobrokhleb V. G. Stareniye naseleniya Rossii: regional'nyy aspekt [Aging of the population of Russia: regional aspect]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Issues of Territorial Development]*. 2018. No. 4(44). P. 1–8. (in Russ.)
14. Dronov V. N., Makhrova O. N. Demograficheskiye problemy Ryazanskoj oblasti [Demographic problems of the Ryazan region]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 34–45. (in Russ.)
15. Zubarevich N. V. Mify i realii prostranstvennogo neravenstva [Myths and realities of spatial inequality]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2009. No. 1. P. 38–53. (in Russ.)
16. Karachurina L. B. Regional'nyye osobennosti rossiyskoj demograficheskoy situatsii [Regional features of the Russian demographic situation]. *Otechestvennyye zapiski [Domestic Notes]*. 2006. No. 5(32). P. 168–178. (in Russ.)
17. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Makroregiony Rossii: kharakteristika chelovecheskogo potentsiala [Macro-regions of Russia: characteristics of human potential]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 37–51. (in Russ.)
18. Patsiorkovskiy V. V. Sel'sko-gorodskaya Rossiya. [Rural-Urban Russia]. Moscow ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 2010. 390 p. (in Russ.)
19. Rimashevskaya N. M., Migranova L. A., Toksanbayeva M. S. Chelovecheskiy i trudovoy potentsial rossiyskikh regionov [Human and labor potential of Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2014. No. 3(65). P. 106–119. (in Russ.)

20. Simagin Yu. A. Rol' demograficheskogo potentsiala v ekonomicheskom razvitiy regionov Rossii [The role of demographic potential in the economic development of Russian regions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, Taxes and Law]*. 2013. No. 6. P. 43–48. (in Russ.)
21. Shabunova A. A., Bogatyrev A. O. Vologodskaya oblast': perspektivy demograficheskogo razvitiya territorii [Vologda region: prospects of demographic development of the territory]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2011. No. 3(11). P. 51–60. (in Russ.)
22. Narodonaseleniye sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i razvitiye [Population of Modern Russia: Reproduction and Development]. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. Ekon-Inform. 2015. 411 p. (in Russ.)
23. Patsiorkovskiy V. V., Simagin Yu. A., Murtuzalieva D. D. Munitsipal'nyye obrazovaniya Rossii so stabil'noy chislennost'yu naseleniya [Russian municipalities with a stable population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 3. P. 47–65. (in Russ.)
24. Simagin Yu. A. Posolki gorodskogo tipa Rossii: transformatsiya seti i osobennosti naseleniya [Urban-Type Settlements of Russia: Transformation of the Network and Features of the Population]. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 2009. 224 p. (in Russ.)
25. Glushkova V. G., Khoreva O. B. Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i yeyo regionov: problemy i puti resheniya [Demographic security of Russia and its regions: problems and solutions]. *Vestnik Finansovogo universiteta [Bulletin of the Financial University]*. 2014. No. 3. P. 14–25. (in Russ.)
26. Kalmykov N. N., Loginova N. N., Kharchikova N. V. O demograficheskoy situatsii v Rossii: analiz, problemy i perspektivy razvitiya [On the demographic situation in Russia: analysis, problems and prospects of development]. *Aktual'nyye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo [Actual Problems of Modernity: Science and Society]*. 2018. No. 3. P. 3–13. (in Russ.)
27. Kiseleva A. M., Gokova O. V. Demograficheskaya bezopasnost' severnykh regionov: problemy depopulyatsii i migratsii naseleniya [Demographic security of the Northern regions: problems of depopulation and migration of the population]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» [Bulletin of Omsk University. Series "Economics"]*. 2016. No. 4. P. 181–190. (in Russ.)
28. Fedorov G. M. Demograficheskaya obstanovka i demograficheskaya bezopasnost' v regionakh zapadnogo porubezh'ya Rossii [Demographic situation and demographic security in the regions of the Western borderlands of Russia]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 119–135. (in Russ.)
29. Usacheva V. V. Demograficheskii krizis v Rossii: obraz v inostrannykh SMI [Demographic crisis in Russia: image in foreign media]. *Demoscope Weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0287/analit06.php> (Accessed: 15 May 2021). (in Russ.)
30. Eberstadt N. *Russia's Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications*. Washington. The National Bureau of Asian Research, 2010. 340 p.
31. *The Mortality Crisis in Transitional Economies*. Eds. G. A. Cornia, R. Panizza. Oxford. Oxford University Press. 2000. 480 p.
32. Scherbov S., van Vianen H. Period fertility in Russia since 1930: an application of the Coale-Trussell fertility model. *Demographic Research*. 2002. Vol. 6. P. 455–470.
33. *The Socio-Economic Transformation of Rural Areas in Russia and Moldova*. Eds. W. Heller, C. Felgentreff, W. Lindner. Potsdam. University of Potsdam, 2003. 163 p.
34. Cherkashin A. K. Natsional'nyye osobennosti izmeneniya opasnosti razvitiya pandemii koronavirusa COVID-19: matematicheskoye modelirovaniye i statisticheskii analiz [National characteristics of changes in the hazard of development of the COVID-19 coronavirus pandemic: mathematical modeling and statistical analysis]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 83–95. (in Russ.)

35. Shcherbakova E. Osnovnyye demograficheskiye itogi 2020 g. v Yevropeyskom Soyuze [The main demographic results of 2020 in the European Union]. *Demoscope Weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0909/index.php> (Accessed: 25 August 2021). (in Russ.)
36. Elizarov V. V. Teoriya i praktika demograficheskoy politiki v SSSR [Theory and practice of demographic policy in the USSR]. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]*. 2017. No. 5. P. 71–84. (in Russ.)
37. Tkachenko A. A. Demograficheskoye vozrozhdeniye ili *deseptio visus*? [Demographic revival or *deseptio visus*?]. *Vlast' [Authority]*. 2018. No. 1. P. 47–58. (in Russ.)
38. Zakharov S. V. Tselevyye indikatory demograficheskoy politiki: pravilen li nash vybor? [Target indicators of demographic policy: is our choice correct?]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2011. No. 9. P. 176–180. (in Russ.)
39. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya Rossii: zadachi, tendentsii, faktory i vozmozhnyye rezul'taty k 2024 godu [Russian population reproduction: tasks, trends, factors and possible results by 2024]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 53–66. (in Russ.)
40. Rusanova N. E. Reproduktivnoye povedeniye naseleniya [Reproductive behavior of the population]. *Narodonaseleniye sovremennoy Rossii: riski i vozmozhnosti [Population of Modern Russia: Risks and Opportunities]*. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2015. P. 90–96. (in Russ.)
41. Ryazantsev S. V. Vklad trudovykh migrantov v rozhdayemost' v Rossii [Contribution of labor migrants to the birth rate in Russia]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdayemost' i semeynaya politika (vypusk 1) [The Strategy of Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. (Issue 1)]*. Moscow. Ekon-Inform, 2013. P. 111–127. (in Russ.)
42. Demograficheskoye razvitiye Rossii v 21 veke: dostignutyye rezul'taty i predstoyashchiye trudnosti [Demographic Development of Russia in the 21st Century: Achieved Results and Upcoming Difficulties]. Eds. V. V. Lokosov and L. L. Rybakovsky. Moscow. Ekon-Inform. 2017. 76 p. (in Russ.)
43. Lokosov V. V. Demograficheskoye razvitiye Rossii: dinamika i socialno-ekonomicheskie riski [Demographic development of Russia: dynamics and socio-economic risks]. *Vestnik RAN [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 251–258. (in Russ.)
44. Glushkova V. G., Simagin Yu. A. Problemy sokhraneniya demograficheskogo potentsiala Rossii [Problems of preserving the demographic potential of Russia]. *Geografiya v shkole [Geography at School]*. 2012. No. 10. P. 22–27. (in Russ.)
45. Blinova T. V., Bylina S. G. Stsenarnyy prognoz chislennosti sel'skogo naseleniya Rossii na srednesrochnuyu perspektivu [Scenario forecast of the rural population of Russia for the medium term]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2014. No. 4. P. 298–308. (in Russ.)
46. Arkhangelsky V. N., Danilova I. A., Dmitriev R. V., Khasanova R. R. Perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii do serediny veka [Prospects of demographic development of Russia until the middle of the century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 24–36. (in Russ.)
47. Likhacheva T. N., Korolenka A. V., Kalashnikov K. N. Demograficheskiy prognoz chislennosti sel'skogo naseleniya Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Demographic forecast of the rural population of the North-West Federal District]. *Problemy razvitiya territoriy [Problems of Territorial Development]*. 2016. No. 6(86). P. 112–131. (in Russ.)
48. Soroko E. L. O predelakh primenimosti demograficheskikh prognozov OON [On the limits of application of the UN demographic projections]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2018. No. 2(5). P. 6–31. (in Russ.)
49. Elizarov V. V. Semeynaya politika i ekonomicheskaya podderzhka sem'i v sovremennoy Rossii [Family policy and economic support of family in modern Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population of the Regions of Russia]* 2002. No. 6. P. 13–16. (in Russ.)

50. Sinelnikov A. B. Vliyaniye semeynoy i demograficheskoy politiki na brachnost' i rozhdayemost' [Impact of the family and demographic policy on marriage and fertility]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdayemost' i semeynaya politika (vypusk 1)* [*The Strategy of Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. (Issue 1)*]. Moscow. Ekon-Inform. 2013. P. 128–135. (in Russ.)
51. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi [*Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships*]. Moscow. M-Studio. 2009. 188 p. (in Russ.)

Information about the author:

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary Author ID: 76033.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021, одобрена 22.11.2021, опубликована 22.12.2021.